

Ирина Пантелей

ДОСТОВЕВСКИЙ И ЕГО ФРАНЦУЗСКИЕ ЧИТАТЕЛИ

По правде говоря, меня охватывает отчаяние, когда я пытаюсь дать понятие об этом мире нашему миру, то есть связать общей идеей умы, захваченные столь различными идеями, вылепленными столь разными руками.

Э.М. де Вогиюз. Русский роман. 1886 г.

Строго говоря, книга виконта Эжена Мельхиора де Вогиюз «Русский роман», впервые опубликованная в 1886 году, XX веку не принадлежит. Но именно с ее знаменитой главы «Религия страдания» уместнее всего начать разговор о французском прочтении Достоевского.

Эта книга — великое событие в культурной жизни Франции. Если не считать нескольких статей и рецензий, появлявшихся до этого в прессе, только после 1886 года французские читатели получили возможность представить себе творчество Достоевского, точнее — познакомиться с его первой французской концепцией.

Конечно, это представление будет неполным, субъективным и тенденциозным. Объективный анализ историка отступает перед субъективизмом и непосредственностью автора, которые подчас оборачиваются курьезами и ставят автора в неловкое (ввиду потомков) положение. Чего стоят его уверения в том, что после «Преступления и наказания» «талант Достоевского перестает расти» (186; 254)* и что единственными бесспорными шедеврами его остались «Бедные люди» и «Записки из Мертвого дома»! Или, скажем, замечание о том, что по всем персонажам Достоевского плачет душ Шарко (186; 256)...

С де Вогиюз, естественно, не соглашались, спорили, но все равно он много лет присутствовал в сознании французов рядом с самим Достоевским и, безусловно, оказал влияние на тех, кто писал о Достоевском во Франции после него.

Ценность книги далеко не исчерпывается формулой «религия страдания», вынесенной в заглавие и подхваченной другими авторами. Вогиюз сделал намного больше — впервые обозначил проблемы, ставшие позднее «общими местами» французского достоевведения. Ему принадлежат ценные замечания о связи поэтики романов Достоевского с музыкой и живописью. (После де Вогиюз об этом напишут многие —

* Здесь и далее ссылки на французских авторов даются в скобках — с указанием номера книги в библиографии и номера страницы.

от Андре Сюареса до Жака Катто.) Именно де Вогюз впервые обратил внимание французских читателей на тему города, на роль сновидений в мире русского романиста... Так что выражение «общие места» в данном случае лишено оценочности.

Кроме того, Вогюз затронул три важных вопроса. *Достоевский и французский рационализм. Достоевский и поиски «религиозной правды». Достоевский и французская (западно-европейская) литература.* Как ни различны французские достоеведы, пишущие в XX веке о Достоевском, эти три «пункта» волнуют практически всех.

* * *

Прежде чем остановиться на трех, центральных на наш взгляд, проблемах французского достоевведения, — несколько замечаний общего характера.

Эжен Мельхиор де Вогюз был, помимо прочих даров и должностей, историком литературы. И все же «Русский роман», впервые столь широко представивший французским читателям русскую литературу (от Средних веков до Льва Толстого), создан прежде всего *писателем*.

И именно эта писательская, доверительная и часто наивная (и порой раздражающая) интонация прижилась во многих книгах о Достоевском, появившихся уже в XX веке. Вплоть до середины 1930-х годов достоевведение во Франции продолжает идти, как нам кажется, по этому «писательскому» пути.

Почти все самые яркие работы о Достоевском, особенно ранние, именно таковы. Они принадлежат не «ученым», а писателям и поэтам, которые, рассказывая о Достоевском, рассказывают не столько о нем, сколько о себе, своих книгах, своей стране. Образ автора проявляется в них порой ярче, чем образ Достоевского.

«Достоевский часто является для меня только предлогом высказать мои собственные мысли», — признается Андре Жид.

Андре Сюарес, Альбер Камю, Жан-Поль Сартр, Франсуа Мориак, Поль Клодель и Натали Саррот могли бы, кажется, подписаться под этим заявлением. А возможно, и многие другие.

Более привычное «классическое» достоевведение во Франции сложилось уже позже, во второй половине XX века, когда стали работать такие авторы, как Доминик Арбан, Жак Мадоль, Пьер Паскаль, Рене Жирар...

Но все же «писательский» стиль (*я и Достоевский*) порой остается и в работах научных. Такой личностный принцип при всех своих плюсах не лишен и странностей. Главная, характерная для большинства французских авторов, — не слишком пристальное внимание к коллегам. Отсюда — минимальное количество ссылок на тех, кто до них уже не раз пытался ответить на те же самые «проклятые вопросы» о французском Достоевском — о Западе, о Боге и о *другом* (этот *другой* прежде всего литературный).

Эта странность во многом остается актуальной до сих пор. Исследований, снабженных действительно полной, а не случайной библиографией, увы, практически не встретилось. (Возможно, это впечатление возникает в связи с ограниченностью российских библиотечных фондов и вынужденной неполнотой знакомства.)

Но все же это бросается в глаза. Даже в самой «свежей» по времени книге, которую удалось найти во Французском культурном центре в Москве, — сборнике статей известного исследователя Мишеля Кадо, объединенных в одном томе под

названием «Достоевский от одного века к другому, или Россия между Востоком и Западом».

Прочитав ее, читатель получит представление о широком круге тем, интересующих автора. А вот о том, как эти темы освещались в течение целого столетия до Мишеля Кадо, он, к сожалению, узнает немного. Заглавие книги оправдывает эти сожаления. И хотя в послесловии автор дает краткий обзор переводов Достоевского и основных исследований о нем (оригинальных и переводных), ощущение случайности и неполноты отбора не проходит. Ссылок на французских исследователей для такого итогового труда совсем не много, ссылок на российских достоеведов и того меньше. Словно все они кончились со смертью Леонида Гроссмана и Михаила Бахтина.

* * *

И еще о виконте де Вогюз. Он задал не только возможную *интонацию* работам о Достоевском, но и подсказал отдельный достоеведческий *жанр*. В далеком 1886-м он пригласил на экстремальную «прогулку» по миру «истинного скифа», способного перевернуть «все наши (то есть французские. — И. П.) умственные представления» (186; 203), тех французов, «которые полагают, что французский ум наделен наследственным долгом знать всё о мире, чтобы иметь честь и дальше вести за собой мир» (186; 204).

С тех пор в литературоведении прижился жанр *путеводителя по Достоевскому*. Он находит своих авторов и читателей и в 1940-е, и в 1990-е годы. Писатели-достоеведы отказываются от чужих интерпретаций, стремясь представить «своего» Достоевского. «Экскурсоводы» делают то же самое в надежде предьявить «настоящего» Достоевского, который все еще остается таким же неведомым «скифом» для среднего французского читателя, каким был во времена Вогюз.

«Есть Достоевский Бердяева, Жида, Мережковского, Сюареса. <...> Наши амбиции намного скромнее», — заверяет в 1947 году в книге с характерным названием «Как читать Достоевского» Пьер Дурн. И предлагает своему читателю «путеводитель, который поможет ему раскрыть гуманные и человеческие ценности того, чье творчество долго считалось слишком сложным» (67; 3).

«Это не более чем введение к чтению Достоевского, — обещает в свою очередь Жак Мадоль. — Я сократил, насколько это возможно, какие-либо интерпретации. Если большинство моих читателей захотят после этого впервые взяться за Достоевского или перечитать его заново, значит, я достиг цели» (117; 11). (На самом деле, эта книга, конечно, намного глубже обычного введения. И все же авторское определение требует к себе доверия.)

И снова, уже в 1961 году, Нина Гурфинкель обещает «представить глазам читателя самого Достоевского», а не «сталкивать взгляды его ученых толкователей». «Когда читатель открывает Жида, Сюареса или некоторые страницы “В поисках утраченного времени”, он намного больше узнает об Андре Жиде, Андре Сюаресе или Марселе Прусте, чем о персонаже, который вроде бы оказывается предметом их размышления». В результате — он до сих пор мало что знает «об этом столь богатом творчестве, генераторе стольких плодотворных сомнений» — «в лучшем случае два-три романа, которые *надо прочесть*, или хотя бы посмотреть их театральные или экранные адаптации» (93; 9).

* * *

Де Вогюз когда-то рекомендовал потенциальным читателям Достоевского (тогда еще даже практически не переведенного) в качестве произведений, которые «лучше выясняют различные стороны его таланта», романы «Бедные люди», «Записки из Мертвого дома» и «Преступление и наказание». Пожалуй, это единственный совет де Вогюза, который повис в воздухе. Дальнейшие предпочтения французских исследователей, в общем, мало отличаются от наших. Все изучают прежде всего «пятикнижие» и «Записки из подполья». Пожалуй, единственное произведение, к которому французы проявляют дополнительный интерес — это «Вечный муж». К его анализу и интерпертации обращаются такие разные авторы, как Андре Жид, Жак Мадоль, Натали Саррот и Рене Жиар. Последний виртуозно сопоставил «комплекс» Павла Павловича Труссоцкого с аналогичным комплексом героя «Повести о безрассудно-любопытном» — вставной новеллы в «Дон Кихоте» и... с современным французом (89).

Подход Рене Жирара выявил в 1960-е годы новые пути использования открытий Достоевского и всей мировой культуры. Развитие литературных, в том числе и достоевских тем, Жиар находит в самых разных пластах современной культуры и цивилизации — от политики и партийной борьбы до рекламы и покупки галстука в магазине.

В последние годы с развитием Интернета достоеведение, в том числе и французское, бурно развивается, а порой и... деградирует. Ничего удивительного, ведь запустить в Сеть свои «открытия» о Достоевском, или *Досто*, как запросто его именуют интернетовские жители, может любой желающий. (В том числе и тот, кто едва ли дочитал до конца хотя бы один роман, споткнувшись на слишком непривычных и длинных русских именах.)

«Достоевских» ссылок, в том числе франкоязычных, в Интернете множество. Их уровень, как правило, подтверждает необходимость все новых и новых «путеводителей». Недавнее издание этого рода — появившаяся в 1996 году антология Жака Санкана и Жака Мишо «От Аввакума до Зиновьева», в которой двести произведений русской литературы (Достоевский в том числе) расставлены по тематическим полочкам.

Впрочем, тема «Достоевский и Интернет» останется за рамками этой статьи. Как и многие другие, например, проблемы переводов Достоевского на французский язык, его театральных постановок и экранизаций. За скобками и такая огромная тема, как традиции Достоевского в художественной литературе Франции и русскоязычное достоеведение Франции.

Самопознание с помощью Достоевского

Откуда это ожесточение всех русских идеалистов против мысли, против полноты жизни?

Э.М. де Вогюз

Итак, французское достоеведение первой половины XX века — прежде всего писательское. Достоевский — важнейший автор для Андре Сьюареса и Франсуа Мориака, Марселя Пруста и Андре Жида, Альбера Камю, Жана-Поля Сартра, Поля Клоделя... Они впускают его творчество в себя, видят в нем символ России, и с его

же помощью открывают новое в себе, своей стране и литературе. Конечно, это открытие не обходится без условностей и мифотворчества. «Восток», который они прочитывают в Достоевском, столь же условен, что и Запад.

Вот, например, признание Андре Сюареса: «Достоевский создал для нас мифическую Россию, Россию жестокую и христианскую, народ призвания, между Европой и Азией, который привносит в скуку сумерек Запада священный огонь и душу Востока» (175; 273).

Сюарес, а вслед за ним Андре Жид и другие, столкнувшись с этим открытием, как будто даже испытывают некий «комплекс». Казалось бы, не принято упрекать себя, свой народ и страну за ум, волю, логику, любовь к порядку. И однако же именно это происходит с некоторыми поклонниками Достоевского.

Крайне интересно чисто *литературное* объяснение западной «скуки», которое дают авторы начала века. Так, Сюарес противопоставляет внутренней музыкальности России и Достоевского — внешнюю «геометрию» Стендаля и Франции (175; 273). В конце очерка характерный личный итог. Он, француз, хочет казаться... русским: «Достоевский, и если не ошибаюсь, и я сам на своем уровне, мы — противоядия тирании рационализма, философов и всему бесчеловечному яду» (175; 356).

Андре Жид в «Лекциях в зале Старая Голубятня» (1922) вновь дает литературное противопоставление. Только место Стендаля занимает Бальзак: «Ему важно создать персонажей внутренне последовательных, тут он действует в согласии с ощущением французской расы, ибо мы, французы, ощущаем потребность прежде всего в логике. <...> Истинность (то есть искренность) мы приносим в жертву непрерывности, чистоте линии» (88; 296–297).

Объясняя свою мысль, Жид вспоминает высказывание своего друга Жака Ривьера: «Во всяком случае Достоевского прежде всего интересуют пучины души, и все его заботы направлены на то, чтобы сколько возможно создать впечатление их непостижимости». И дальше противопоставление Достоевского — *нам*, то есть французам: «Совершенно засыпать все бездны — вот идеал, к которому мы стремимся» (88; 296).

(Та же мысль будет не раз повторяться и в собственно литературоведческих работах. Например, в книге Доминик Арбан «Годы ученичества Достоевского», посвященной детскому и юношескому чтению писателя: «Молодые люди Бальзака стремятся забраться на блестящие вершины светского общества; молодые герои Достоевского заворожены собственной внутренней бездной» (13; 216).)

Это стремление «засыпать все бездны», объяснить, упорядочить Жид находит в книге де Вогюз, в его знаменитой формуле: «Во Франции вслед за виконтом Мельхиором де Вогюз много говорилось, по поводу русских, о некоей “религии страдания”. У нас во Франции в большой чести и в большом ходу формулы. Это один из способов “натурализации” писателя, это дает нам возможность найти для него место в витрине. Французскому уму непременно надо знать, на чем ему остановиться; а потом он уже не чувствует потребности ни вглядываться, ни вдумываться» (88; 314).

Изменчивость, непредсказуемость, неоднозначность, двойственность — вот что волнует, притягивает французских писателей в героях Достоевского. Опять-таки в противовес французам — реальным и романнным, которые и в жизни, и в литературе продолжают традиции классицизма, традиции Корнеля, Расина и Мольера.

В 1928 году к этой «больной» теме, к этому вечному сравнению подключается Франсуа Мориак. В книге «Роман» он пишет, что, в отличие от Бальзака, Достоевский «творит живых существ». Его герои «не рассудочные творения, среди них не встретишь Скупца, Честолюбца, Солдафона, Священника, Ростовщика — они люди из плоти и крови» (134; 321). Достоевский «не навязывает нам никаких правил, никакой логики, кроме логики жизни, а она-то с позиции нашего здравого смысла и представляется нам нелогичностью. <...> во всех случаях жизни мы стараемся чувствовать то, что принято и логично, то есть навязываем себе такие же правила, какие французский романист навязывает своим созданиям» (134; 322).

Поль Клодель даже придумал определение «изобретению» Достоевского — *полиморфный характер*. «Это значит, что Мольер или Расин, или великие классики дают характеры цельные, тогда как Достоевский совершил открытие в психологии, равное открытию Де Вриса в мире естественной истории: спонтанная мутация. Характер внезапно меняется, то есть он находит в себе черты, которых в нем абсолютно не было, так же, как некий желтый цветок (Де Врис дает ему название, не помню, какое именно), вдруг, через столетия, становится белым. И никто не знает почему. <...> Именно это непредвиденное, это незнакомое в человеческой природе волнует Достоевского. Человек незнакомец для себя самого, и он никогда не знает, на что способен в новых обстоятельствах (если его неожиданно спровоцировать)» (60; 37).

Конечно, писатели, верные родной культуре, отказываются от оценки *лучше/хуже*, но все же пишут о необходимости притока нового (в данном случае можно читать нового «беспорядка», открытого Достоевским) в «наш порядок и логику». В противном случае, по мнению Жида, «французской культуре грозила бы опасность превратиться вскоре в пустую форму, пораженную склерозом оболочку» (88; 358).

Эту идею подхватывает и Мориак: «Отныне нам невозможно не мечтать о разрушении этой условности, которую так точно определил Жид. Тот, кто глубоко усвоил уроки Достоевского, не может больше довольствоваться рецептами французского психологического романа, где человек в некотором смысле предначертан, упорядочен, совсем как природа в Версале. Это вовсе не критика: я преклоняюсь перед Версалем, перед “Принцессой Клевской” и “Адольфом”. Но нам уже нельзя пренебрегать чужим опытом. И здесь мы подходим к существеннейшей проблеме: у нас перед писателем стоит задача, ничего не утрачивая из традиций французского романа, обогатить его достижениями иностранных мастеров, англосаксонских и русских, в частности Достоевского. Нужно сообщить героям наших книг нелогичность, незаданность, сложность живых людей и все-таки продолжать их выстраивать и упорядочивать в соответствии с духом нашей нации, словом, оставаться писателями порядка и ясности» (134; 322).

Как характерно это «нужно»! То есть — преодолеть умственным, волевым усилием свою логику и упорядоченность, стать немножко бесконечным и беспорядочным...

* * *

С приходом Второй мировой войны характер интереса к творчеству Достоевского меняется, во всяком случае, корректируется. Теперь уже исследователей волнуют не столько различия между Россией и Францией, сколько роковые совпадения в их настоящем. Достоевский привлекает не только как открыватель «русской души», но

и как писатель-пророк (писатель-политолог, как могли бы назвать его сейчас), предсказавший катастрофы «мировой души».

В 1939 году выходит книга Жака Мадоль «Христианство Достоевского», значительная часть которой посвящена политическим, социальным и религиозным взглядам писателя.

Достоевский Мадоль не просто певец бездн русской души, а писатель, «который актуален как никогда» для всех народов, для всей больной цивилизации. «Час Достоевского пробил; тот час, когда катастрофы, которые он предвещал и описывал, разразились не только в его стране» (116; 8).

В другом месте — очень важная фраза, которая показывает, как изменилось отношение французов к себе и своей стране со времен де Вогюэ и Сюареса. «Мы принадлежали к нации, которая долго не была для себя проблемой. Сегодня, когда проблема Франции решается каждым французом, мы осмеливаемся лучше понять то, что происходило в России Александра II» (116; 101).

«Скука сумерек» прошла — в Европе наступило время Достоевского. Для Мадоль и его современников Франция — уже не страна логики и порядка, она столь же пугающе таинственна и непредсказуема, что и Россия.

Через 30 лет, когда ситуация в Европе меняется, меняется и отношение к Достоевскому-пророку. Жан Друйи в книге «Политическая и религиозная мысль Ф.М. Достоевского», обращаясь не только к романам, но и «Зимним заметкам о летних впечатлениях», «Дневнику писателю», вновь «по-французски» сожалеет о том, что «Достоевский никогда не занимался работой, естественной для западного ума — прояснением и анализом своих идей», что так и не обзавелся оригинальной системой взглядов (69; 10).

Оба автора, Мадоль в 1939-м, Друйи в 1971-м, оценивают итог творчества писателя одним и тем же термином — «провал». Но этот провал — со знаком плюс. Именно он делает Достоевского близким каждому человеку и во время войны, и в годы внешнего (но не внутреннего) мира.

«Говоря, что в сущности его творчество — провал, я не хочу умалить его творчества, совсем напротив. Это провал плодородный, он для нас ценнее, чем посредственные успехи. Это провал в том смысле, что <...> Достоевский не дает ответ на вопрос, который сам ставит», — пишет Мадоль (116; 162).

«В бурном и терзаемом мире, который, кажется, сбился с пути, — подхватывает Друйи, — каждый узнает в его страстном творчестве те же проблемы, которые пытается разрешить он сам. Потому что, хотя и другие задавались теми же религиозными и философскими проблемами, что и Достоевский, мало кто из писателей выражал их с тою же искренностью, тревогой, серьезностью, наконец. <...> Религиозный и политический провал Достоевского — это провал современного мира перед новыми проблемами, которые грубо возникли в конце XIX века. Таким образом, подобный провал несколько не преуменьшает значение Достоевского, он лишь братски приближает к нам Достоевского» (69; 480)...

Еще один интересный и характерный поворот в теме «Запад и Достоевский» — в статье Луи Аллена «Социально-психологический портрет семиотики Ф.М. Достоевского», появившейся в 1982 году. Он останавливается на проблеме «формы» и «жеста» как на одном из основных элементов мировоззрения Достоевского.

«В его понимании Востока и Запада европеец, и точнее француз, противопоставляется именно русскому как тип, обладающий великолепно определенными форма-

ми, установленными раз навсегда. Русский же, наоборот, никак не может подыскать себе подходящую форму, потому что он «слишком богато и многосторонне одарен». А Достоевский сам так создан, что, выдвигая личный недостаток в национальную черту, он уже потом выдвигает эту национальную черту как знак превосходства. Диалектика поистине своеобразна, но Федор Михайлович стоит горой за свою мысль и подробно развивает ее в романе «Игрок»» (7; 209).

Писатели начала века сами настаивали на «скуке» своего западного «порядка» по сравнению с «беспорядком», открытым Достоевским. Для Аллена эта антитеза интересна как авторское изобретение, часть личной «семиотики» Достоевского.

Трудно было бы представить Андре Жида, пишущего о проблеме «формы и жеста» в «Идиоте». Такое «сужение», конкретизация глобальной темы «Достоевский и Запад» характерно для второй половины XX века, когда помимо интереса ко «всему» Достоевскому (свойственного и Луи Алену, автору книг «Достоевский и Бог», «Достоевский и другой»), исследователи все чаще обращаются к «малым формам» достоевдения.

Между Богом и Христом

Чтобы перевести любимое выражение автора, надо восстановить этимологический смысл нашего слова *compassion*: страдать с другим и через другого, — так, как его понимал Боссюз.

Э.М. де Вожюэ

Говоря о разрыве мысли Достоевского с образом мысли западного мира, исследователи размышляли и о различиях отношений с Богом, о вере и атеизме, католичестве и православии.

«Мне сразу бросается в глаза, — замечает в 1921 году Андре Жид, — что во всей нашей западной литературе, причем я имею в виду литературу не только французскую, роман, за очень редким исключением, занимается лишь отношениями людей друг к другу, отношениями эмоциональными или интеллектуальными, отношениями семейными, общественными, классовыми, — но никогда, почти никогда не занимается отношениями индивидуума к самому себе или к Богу, которые здесь (в романах Достоевского. — *И. П.*) первенствуют над всеми прочими» (88; 242). И далее Жид развивает свою мысль: «Я ни минуты не думаю, что западный человек, француз, является личностью исключительно общественной, не существующей вне своего костюма: у нас есть “Мысли” Паскаля, “Цветы зла”, книги строгие и одинокие и тем не менее столь же французские, как любая другая книга в нашей литературе. Но кажется, будто известный ряд проблем, тревог, страстей, отношений забронирован за моралистом, богословом и поэтом, и что ни к чему загромождать ими роман» (88; 243).

Достоевский, не колеблясь, берет на себя все эти функции — и моралиста, и богослова, и поэта. Тем самым отделяет себя от западных писателей и привлекает к себе их в качестве читателей.

Жак Мадоль анализирует пять главных романов Достоевского, объединенных, по его мнению, единым сюжетом: «<...> исследованием опустошений, которые мо-

жет произвести западный рационализм в русской душе» (116; 29). Мир, в котором живут герои Достоевского, — это мир без Бога. Но вывод, к которому он их подводит, — невозможность жить без Бога. Все, даже атеисты, подобные Свидригайлову, ищут Его. «Таким образом, даже внутри самого беспорядка человек встречает Бога; поскольку беспорядок подразумевает порядок, как чувство отсутствия предполагает Присутствие» (116; 180).

В 1944 году Анри Любак в книге «Драма атеистического гуманизма» соглашается с определением Достоевского как «человека Бога», данным в 1913 году Аленом-Фурнье. И считает, что пройдя через опыт Семеновского плаца и эпилепсии, Достоевский «увидел мир с точки зрения смерти, то есть с точки зрения вечности. (Вера в Христа и размышления над Евангелием сделали остальное.) Он присутствует в нашем мире как человек из другого мира» (114; 332).

Проблема Бога рассматривается исследователями в рамках особенностей личного «неклассического» христианства Достоевского и его героев. Образ Христа настолько пронзил Достоевского, что даже «заслонил» Бога и Церковь. Естественно, что для католической Франции это особенно «скандально».

«Христианское учение — то, которое содержится в Евангелии, — обычно представляется нам, французам, — пишет Жид, — только в преломлении католической церкви, прирученное церковью. Достоевскому же церковь внушает отвращение, особенно церковь католическая. Он полагает, что воспринял учение Христа непосредственно и единственно из Евангелия, а этого как раз и не допускает католик. <...> я не знаю автора более христианского и в то же время более чуждого католицизму» (88; 327).

Казалось бы, для католической Франции было бы естественно проявить особое внимание к Достоевскому именно как к антикатолическому автору. Однако, к нашему удивлению, специальных исследований на эту тему, во всяком случае в столичных библиотеках, не нашлось.

Как правило, французы «прощают» этот факт и подчеркивают, что он никак не может (или не должен) повлиять на интерес к Достоевскому во Франции. «Слишком многое, — соглашается Мадоль, — нас отделяет от него, особенно католические круги. Я не скрываю, что он недооценивал католицизм, но это недостаточная причина для католиков не признавать его, тем более — и я надеюсь это показать — это подлинно христианский писатель. Потому что, если существует проблема между Россией и Европой, существует и другая, намного более глубокая и фундаментальная проблема — между Россией и Христом, между человеком и Христом» (116; 10). Эта «апология» достаточно типична.

О христоцентричности Достоевского, выраженной даже на лингвистическом уровне, пишет в своей книге «Достоевский и Бог» Луи Аллен. «Сопоставление определений, которые дает Достоевский Богу и Христу, создают странное чувство диссонанса. Вопросы, которые главенствуют в самих определениях, располагаются в двух планах, “лингвистически” достаточно удаленных друг от друга: Что есть Бог? Кто есть Христос? Уже здесь обнаруживается лингвистическая пропасть между абстракцией и личностью» (8; 42).

Не победитель, но страдающий. Таким, еще со времени Мельхиора де Вогиоз, с его знаменитой формулы «религия страдания» видится французским исследователям Христос Достоевского.

«Достоевский, — восклицает Сюарес, — открыв крест Иисуса Христа, мог лишь видеть жизнь на кресте и в Иисусе Христе. <...> Я понял русское страдание через Достоевского: оно не только плодотворно, оно имеет активную силу, которая очищает» (175; 280).

«Христос Достоевского, — подчеркивает Мадоль, — никогда не Христос Славы, Пантакратор византийских мозаик. Это человек Страдания, который покрыт, словно отвратительным плащом, всеми людскими грехами» (116; 172).

Еще один вопрос, который волнует французских исследователей: почему в мире Достоевского, столь полном любви ко Христу и поисками Бога (несмотря на отмеченное несовпадение), столько *неспасенных* героев. Почему любимые герои Достоевского, даже наделенные чертами Христа и святых, оказываются бессильными? Они не в силах спасти ни себя, ни других.

В связи с этим вопросом вновь появляется слово «провал». Например, у Поля Евдокимова. Его работы — нечастый пример православной мысли о Достоевском, выраженной на французском языке. В книге «Гоголь и Достоевский», помимо интересных мыслей об изображении «святого» как «иконы» в пространстве Достоевского, Евдокимов дает интересный анализ причин «провала Мышкина» — «одного из самых значительных этапов в творчестве и жизни Достоевского» (76; 243).

«Мышкин проповедует Рай, но его ангельская невинность не знает о пути, который к нему ведет: *Крест* <...> Жалость Мышкина, которой не хватает плоти, и чисто плотская страсть Рогожина сходятся в незнании Эроса распятого и преображенного. Бессильные, они заговорщицки наклоняются к своей общей жертве — Настасье» (76; 243).

Мысль соотечественника развивает Лев Зандер. Провал героя Достоевского он объясняет тем, что, говоря о Христе, Его учении и заповедях, Мышкин смотрит на жизнь глазами не верующего, а лишь естественного человека из земного швейцарского рая. Он «поражает нас совершенным отсутствием связей с трансцендентным», «мы не находим у него ни малейшего намека на мистическую жизнь, молитву, живые связи со Христом, личный контакт с Богом» (197; 166).

«Упреки» Мышкину, сделанные Евдокимовым и Зандером, частично переносятся другими авторами на самого Достоевского. Известный французский достоевед и русист Пьер Паскаль, размышляя о «символе веры» Достоевского, писал: «<...> христианин в своем почитании Христа, в своей концепции человека, в личной нравственности; он хочет им быть в своей политике, но был ли он им в своей метафизике?» (141; 385). «Религия Достоевского в высшей степени христоцентрична, и в Христе он видит человека, которого ревниво любит, <...> при этом он никогда не говорит, что Христос — Бог: он никогда не упоминает о Троице. Слово “воскресение” проскальзывает два или три раза, но словно против воли. <...> Первородный грех кажется ему невообразимым <...> Верит ли он в евангельские чудеса? Воскрешение Лазаря, свадьбу в Кане Галилейской, исцеление бесноватых — он использует лишь как символы. Он охотно останавливается на эсхатологических моментах, но рай у него оказывается результатом естественной мудрости, возможно, христианской добродетели, но все равно этот рай — земной» (140; 100–101).

Достоевский страстно желает верить, но верит ли он до конца? Вопрос, открытый в финале книги Паскаля, подхватывает Луи Аллен. Но так и не решает его в

своей книге, посвященной «космогонии» и «бестиарию» писателя, ограничиваясь обтекаемым оптимистическим выводом о том, что «Федор Михайлович был способен улавливать различные отблески божественного. Божественного, которое было им самим» (8; 154).

Но можно ли, действительно, «закрыть» раз и навсегда тот или иной вопрос Достоевского и о Достоевском, если он не был решен раз и навсегда самим автором?

Достоевский и другие

Гофман, Эдгар По, Бодлер и все классики беспокоящего жанра, которых мы знали до сих пор, лишь мистификаторы в сравнении с Достоевским.

Э.М. де Вогиюз

Те, кто повлиял на Достоевского. И те, на кого повлиял он. Каждый французский исследователь выстраивает свой литературный ряд. Если перечислить все имена, получится настоящая антология мировой литературы — античные трагики и Святой Франциск Ассизский, французские классицисты и древнерусские авторы... и так вплоть до литературы наших дней.

Их искали не только среди писателей. Тема музыки и живописи в творчестве Достоевского прозвучала уже в «Русском романе». Вогиюз находил у Достоевского «трагическую суровость Милле» (186; 204), сюжеты Калло (186; 254) и «приемы, заимствованные у музыкантов» (186; 240).

Андре Жид один из первых сравнил открытия Достоевского с живописными шедеврами Рембрандта и с новаторством Бетховена. Это, пожалуй, самые частые персонажи, о которых вспоминают французские авторы в связи с живописью и музыкой у Достоевского.

Говорит о них и Жак Катто в своей книге «Литературное творчество Достоевского». Уподобляя себя биологу и генетику, Катто всматривается во все стороны жизни писателя, которые повлияли или могли повлиять на зарождение, вынашивание и написание его романов (46; 14).

Достоевский и другой (даже — другое) — важнейшая часть этого исследования. Катто подробно исследует роль живописи и музыки, игры и газетной хроники, болезни и денег. Особое внимание, естественно, уделено мировой литературе, с которой Достоевский ведет вечный «процесс» (46; 51). «Все творчество Достоевского — огромная, страстная, чаще всего непрямая экзегеза литературы, а также философии и истории. У книги здесь масса полномочий <...> Достоевский продвигается в своем творчестве, никогда не прекращая диалог с великими и малыми фантомами прошлого и настоящего» (46; 69).

В общем, говоря о возможных учителях Достоевского, французские исследователи вполне предсказуемы. Вполне ожидаемы и ученики — Ибсен, Ницше, Мориак, французские экзистенциалисты...

Представлены они и в книге компартивиста Мишеля Кадо «Достоевский от одного века к другому, или Россия между Востоком и Западом». Помимо уже извест-

ных параллелей (скажем, с Германом Гессе, Альбером Камю или Андре Жидом), Кадо пишет о достоевских влияниях в творчестве двух немецкоязычных писателей однофамильцев. Это швейцарский романист Роберт Вальзер — «смелость стиля его романов позволяет видеть в нем одного из самых оригинальных продолжателей великой линии, которая идет от “Дон Кихота” к Достоевскому через Жан-Поля и Стендаля, предлагая читателям начала XX века настоящий “новый роман” — одновременно ироничный, рафинированный и странный» (43; 265–266). И это современный немецкий автор Мартин Вальзер. Роман «Война Финка», опубликованный в 1996, по мнению его переводчика и интерпретатора Кадо, показывает, что гипнотическое влияние Достоевского продолжается.

Кстати, о «новом романе». Одна из первых статей, посвященных художественно-философским открытиям Достоевского, на которые опирались создатели нового романа XX столетия, принадлежит Натали Саррот.

В статье 1947 года «От Достоевского к Кафке» Саррот настаивает на неразрывности линии: Достоевский — современный роман. Она находит открытия Достоевского не только в романах Дос Пассоса, Стейнбека и Камю, но даже в современном ей американском кино.

Особенно подробно Натали Саррот останавливается на творчестве Франца Кафки. Ужас одиночества, желания и невозможности «установить контакт с другим»... По мнению Саррот, именно эта проблема Достоевского — центральная для творчества Кафки и всего нового романа: «Если рассматривать литературу как эстафету, которая никогда не прерывается, окажется, что именно из рук Достоевского Кафка подхватывает эстафетную палочку. <...> Если мы захотим, — продолжает Саррот, — найти точное место в творчестве Достоевского, начиная с которого Кафка мог бы “отправиться в путь”, мы, без сомнения, найдем его в “Записках из подполья”» (163; 64).

Кафка, продолживший Достоевского, открывает не только новый роман, но и показывает предел, до которого доводит человека тотальная неспособность к диалогу. Этот предел Саррот видит уже не в литературе, а в недавнем прошлом. Беспросветный кошмар, в котором барахтаются герои «Замка» и «Процесса», картина тотального отчуждения и механистичности, изображенная в его романах, — пророческие страницы Кафки, который «живя в тени немецкой нации, проник в черты будущей гитлеровской Германии» (163; 64). Так, Достоевский предсказал трагедию начала века в России.

«Там, за крайними границами, куда Кафка не последовал, но которые он со сверхчеловеческой смелостью предвосхитил, всякое чувство испаряется, даже презрение и ненависть, остается лишь огромное пустое оцепенение, — нечто-которое-нельзя-понять, бесповоротное и тотальное.

Невозможно ни оставаться на этих берегах, ни пытаться идти дальше. Живущие на планете людей могут лишь повернуть обратно» (163; 56).

Обратно к чему и к кому? Саррот не уточняет. Может, обратно к Достоевскому?

БИБЛИОГРАФИЯ

Издания произведений

- Humiliés et offenses. Trad. De Humbert, 1 vol., 1884.
 Crime et châtimeut. Trad. de V. Derély, 2 vol., 1886.
 L'Idiot. Trad. De V. Derély, 2 vol., 1887.
 Le Frères Karamazoff, 2 vol., 1888.
 Krotkaĭa. Trad. de E. Halpérin, 1 vol., 1886.
 L'Esprit souterrain, 1 vol., 1886.
 Crime et Châtiment, Journal de Rascolnikov, Les Carnets de Crime et Châtiment, Souvenirs de la maison des morts. Paris: Bibliothèque de la Pléiade, 1950. Trad. D. Ergaz, V. Pozner, B. de Schlœzer, H. Mongault et L. Désormonts.
 Crime et Châtiment. Traduction, introduction, notes, bibliographie par P. Pascal. Paris: Garnier, 1958 (Classique Garnier).
 Le carnet de Sibérie. Présenté et traduit par Pierre Pascal // DOSTOÏEVSKI. Cahiers de l'Herne. № 24. Sous la direction de Jacques Catteau. Paris: l'Herne, 1973. P. 46–58.
 L'Idiot. Les Carnets de l'Idiot. Humiliés et offenses. Paris: Bibliothèque de la Pléiade, 1953. Trad. A. Mousset, B. de Schlœzer, et S. Luneau.
 L'Idiot. Édition de Pierre Pascal. Paris: Garnier, 1977 (Classique Garnier).
 Les Démons, Carnets des Démons, Les Pauvres Gens. Paris: Bibliothèque de la Pléiade, 1953. Trad. B. de Schlœzer, et S. Luneau.
 Les Frères Karamazov, Les Carnets des Frères Karamazov, Niétochka Niéznanov. Paris: Bibliothèque de la Pléiade, 1952. Trad. H. Mongault, B. de Schlœzer, L. Désormonts et S. Luneau.
 Récits, chroniques et polémiques. Paris: Bibliothèque de la Pléiade, 1952. Trad. G. Acouturier. Journal d'un écrivain. Paris: Gallimard, 1951. Trad. J. Chuzeville.
 Correspondance de Dostoïevski. T. 1. Paris: Calmann-Lévy, 1959. Trad. D. Arban.
 Correspondance de Dostoïevski. T. 2. Paris: Calmann-Lévy, 1959. Trad. D. Arban.
 Correspondance de Dostoïevski. T. 3. Paris: Calmann-Lévy, 1960. Trad. N. Gourfinkel.
 Correspondance de Dostoïevski. T. 4. Paris: Calmann-Lévy, 1960. Trad. N. Gourfinkel.
 Correspondance de Dostoïevski. Traduit par Ann Coldefy-Francard. Présentée par Jacques Catteau. T. 1, 1998. T. 2, 2001.
 [Méditation devant le corps de Marie Dmitrievna], Socialisme et christianisme. Traduits par Sylvie Luneau // DOSTOÏEVSKI. Cahiers de l'Herne. № 24. Sous la direction de Jacques Catteau. Paris: l'Herne, 1973. P. 59–64.
 Carnets de travail, 1860–1881. Extraits. Publiés in // Dostoïevski. Les Cahiers de La nuit surveillée. № 2. Lagrasse, Verdier, 1983. P. 213–242.
 Les Bruoillons des Frères Karamazov. Études et Matériels commentés par B. de Schlœzer // Mesures. 1953. 15 okt. № 4.

Монографии, статьи

1. Abelio R. Dostoïevski, *L'Idiot* // Approches de la nouvelle gnose. Paris: Gallimard, 1981.
2. Alajouanine Th. Dostoïevski épileptique // Le nouveau Commerce. Paris, 1963. Cahier 2, automne-hiver. P. 114–133.
3. Alajouanine Th. Littérature et épilepsie. L'expression littéraire de l'extase dans les romans de Dostoïevski et dans les poèmes de Saint Jean de la Croix // DOSTOÏEVSKI. Cahiers de l'Herne. № 24. Sous la direction de Jacques Catteau. Paris: l'Herne, 1973. P. 309–324.
4. Album Dostoïevski: iconographie réunie et commentée par Gustave Aucontier et Claude Menuet. Paris: Gallimard, 1975 (Bibliothèque de la Pléiade).

5. *Allain Louis*. Dostoïevski et l'autre. Lille: Presses univ. de Lille; Paris: Inst. d'études slaves, 1984. 202 p. (817–89/562–3).
6. *Allain Louis*. Dostoïevski et Dieu: la morsure du divin. Lille: Presses universitaires de Lille, 1982. 114 p.
7. *Allain Louis*. Социально-психологический подтекст семиотики Ф.М. Достоевского // *Revue des études slaves*. Т. 55. Fascicule 1. Paris, 1983. P. 209–216.
8. *Аллен Луи*. Достоевский и Бог. СПб., 1983.
9. *Arban Dominique*. Dostoïevski le «coupable». Paris: Julliard, 1953.
10. *Arban Dominique*. Le livre qu'il n'a pas écrit // Dostoïevski. Europe. № 131/132 (Novembre / Décembre). 1956. P. 64–69.
11. *Arban Dominique*. Dostoïevski. Paris: Le Seuil, 1962. 190 p. (серия: Écrivains de toujours).
12. *Arban Dominique*. Dostoïevski par lui-même. Paris: Le Seuil, 1962. 192 p. (coll. Écrivains de toujours).
13. *Arban Dominique*. Les années d'apprentissage de Fiodor Dostoïevski. Paris: Payot, 1968.
14. *Arban Dominique*. Le lieux dostoïevskiens et leur signification // Fiodor Dostoïevski (D. Arban, Etiemble, J. Madaule, P. Pascal, M. Robert (Cl. Roy, H. Troyat). Paris: Hachette, 1971. (coll. Genies et réalités). P. 174–191.
15. *Arban Dominique*. Le seuil, thème, motive et concept // DOSTOÏEVSKI. Cahiers de l'Herne. № 24. Sous la direction de Jacques Catteau. Paris: l'Herne, 1973.
16. *Arban Dominique*. Le statut de la folie dans les œuvres de jeunesse de Dostoïevski // *Dostovsky Studies*. Klagenfurt, 2, 1981.
17. *Arnaud Michel*. L'adolescent par Dostoïevsky // *La Revue blanche*. 1902. 1 septembre.
18. *Arout Gabriel*. A propos du «Double» // Dostoïevski. Europe. № 131/132 (Novembre / Décembre). 1956. P. 119–126.
19. *Arout Gabriel*. A propos du «Double» // Dostoïevski. Europe. № 131/132 (Novembre / Décembre). 1956. P. 127–132.
20. *Aucouturier G.* Introduction à DOSTOÏEVSKI. *Récits, chronologiques et polémiques*. Textes traduits, présentés et annotés par Gustave Aucouturier. Paris: Gallimard, 1969. P. IX–XXIX (Bibliothèque de la Pléiade).
21. *Backès Jean-Louis*. Dostoïevski en France (1884–1930). Thèse de doctorat d'État. Dactylographiée. Paris-Sorbonne, 1972.
22. *Backès Jean-Louis*. Dostoïevski refusé // DOSTOÏEVSKI. Cahiers de l'Herne. № 24. Sous la direction de Jacques Catteau. Paris: l'Herne, 1973. P. 348–352.
23. *Backès Jean-Louis*. Le Dostoïevski du narrateur // *Études Prustiennes*. № 1. (Cahiers Marcel Prust. Nouvelle série, № 6). Paris: Gallimard, 1973. P. 95–107.
24. *Barine Arvède*. Un grand romancier: Dostoïevsky // *La Revue bleue*. 1884. 27 decembre.
25. *Barlési Dominique*. La Vision sociale de Pétersbourg chez Dostoïevski des «Pauvres Gens» à «Crime et Châtiment». Publication des Annales de la Faculté des Lettres d'Aix-en-Provence. 1962. № XIX.
26. *Barrès Maurice*. La mode russe // *La Revue illustrée*. 1886. 1 fevrier.
27. *Belleme Laurence*. Dostoïevski aujourd'hui // Dostoïevski. Europe. № 131/132 (Novembre / Décembre). 1956. P. 51–55.
28. *Bercovici Lazar*. Dostoïevski, étude de psychopathologie. Thèse méd. Paris, 1933. 179 p.
29. *Bernstamm Serge*. Une enquête: Tolstoï, Tourguéneff ou Dostoïevsky? // *La Plume*. 1913. 1 novembre, 15 decembre.
30. *Besançon A.* Dostoïevski et le matricide // *Le Tsarévich immolé*. Paris: Plon, 1968. P. 182–218.
31. *Besançon A.* Fonction du rêve dans le roman russe // *Histoire et experience du moi*. Paris: Flammarion, 1971. P. 109–131.

32. *Besançon A.* Préface à *L'Idiot*. Paris: Gallimard, 1972. P. 7–22.
33. *Boutang Pierre.* Stavrogine // DOSTOÏEVSKI. Cahiers de l'Herne. № 24. Sous la direction de Jacques Catteau. Paris: l'Herne, 1973. P. 259–265.
34. *Boyer Frédéric.* Comprendre et compatir: lectures de Dostoïevski. Pol., 1993.
35. *Brunetière Ferdinand.* La littérature européenne au XIX siècle // *La Revue des deux mondes*. 1899. 1 décembre.
36. *Butor Michel.* «Le Jouer» // *Butor Michel.* Essais sur les modernes. P., 1964. P. 142–156. L-864 / B-987 № 1314960 1272920
37. *Cadot Michel.* Dostoïevski et le romantisme français: questions d'idéologie et de technique romanesque // *Russian Literature*. 1976. 3–4.
38. *Cadot Michel.* La «Double Postulation» de Baudelaire et sa version dostoïevskienne // *Revue canadienne de littérature comparée*, hiver 1977. P. 54–67. (То же в: Dostoïevski et les Lettres françaises. Actes du colloque de Nice réunis par Jean Onimus. Nice: Centre du XXe siècle, 1980.)
39. *Cadot Michel.* «Peut-on décrire certaines constructions romanesques de Dostoïevski comme engendrée par un mouvement hélicoïdal?» Communication au Troisième symposium international Dostoïevski. Copenhague, août 1977. Résumé // *Bulletin de la Société Internationale des Études dostoïevskienne*. № 7. P. 35–37.
40. *Cadot Michel.* Du fait divers à la fiction romanesque. Enquête // *Dostoïevski. Les Cahiers de La nuit surveillée*. № 2. Lagrasse, Verdier, 1983.
41. *Cadot Michel.* *Le Double* de Dostoïevski et ses modèles hoffmanniens // *L'Home et L'Autre*, de Suso à Peter Handke. Éd. par J.-M. Paul. Nancy, 1990. P. 225–234.
42. *Cadot Michel.* Peinture et fiction chez Dostoïevski // *Les fins de la peinture*. Actes du organisé à l'Université de la Sorbonne nouvelle par le Centre de recherche Littérature et Arts visuels (9–11 mars 1989). Textes réunis par René Démoris. Paris: Desgonquères, 1990.
43. *Cadot Michel.* Dostoïevski d'un siècle à l'autre ou la Russie entre Orient et Occident. Avant-propos Rudolf Neuhäuser. Paris: Maisonneuve et Larose, 2001. 352 p.
44. *Cain Julien.* La genèse des Frères Karamazov. P.: Sauret, 1957. 16 p.
45. *Catteau Jacques.* A propos de littérature fantastique: André Belyj, héritier de Gogol et de Dostoïevski // *Cahiers du Monde russe et soviétique*. 1962. Vol. III, 3, juin-septembre. P. 327–373.
46. *Catteau Jacques.* La Création littéraire chez Dostoïevski. Paris: Institut d'Études Slaves, 1978. 609 p.
47. *Catteau Jacques.* Chronologie *Dostoïevski* // *Magazine littéraire*. 1978. № 134 (mars) numéro spécial Dostoïevski. P. 9–23.
48. *Catteau Jacques.* Bakounine et Dostoïevski // *Magazine littéraire*. 1978. № 134 (mars) numéro spécial Dostoïevski. P. 32–36.
49. *Catteau Jacques.* Dostoïevski était-il antisémite? // *La Quinzaine littéraire*. 1976. 1-^{er} 15 octobre. № 241. P. 18–19.
50. *Catteau Jacques.* Du Palais de cristal à l'âge d'or ou les avatars de l'utopie // DOSTOÏEVSKI. Cahiers de l'Herne. № 24. Sous la direction de Jacques Catteau. Paris: l'Herne, 1973. P. 176–195.
51. *Catteau Jacques.* Louis Allain. Dostoïevski et Dieu: la morsure du divin. Lille: Presses universitaires de Lille. 1981. 114 p. // *Revue des études slaves*. T. 54 (?). Fascicule 4. Paris, 1982. P. 785–786.
52. *Catteau Jacques.* Le paradoxe de la Légende du Grand Inquisiteur dans *Les Frères Karamazov* // *Dostoïevski. Les Cahiers de La nuit surveillée*. № 2. Lagrasse, Verdier, 1983. P. 169–179.
53. *Catteau Jacques.* Du visionnaire de l'humanité au romancier de l'homme // *Dostoïevski. Les Cahiers de La nuit surveillée*. № 2. Lagrasse, Verdier, 1983.

54. *Catteau Jacques*. Rolland Jacques. Dostoïevski. Verdier, 1988.
55. *Catteau Jacques*. (*Катто Жак*). Время и пространство у Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 3. Л.: Наука, 1974. С. 83–99.
56. *Chardin Philippe*. Proust lecteur de Dostoïevski // *Les lettres romanes*, 25 (1971). P. 231–269, 339–349.
57. *Chardin Philippe*. Un roman du clair-obscur. «*L'Idiot*» de Dostoïevski avec un résumé analytique et un index des personnages. Lettres modernes. P.: Minard, 1976. 111 p. (То же: *Archives des lettres modernes*. № 162. Paris: Minard, 1976.)
58. *Chardin Ph.* Dostoïevski lecteur de V. Hugo. Actes du symposium de l'AILC, X congrès international. Paris: août 1985. Ed. Francis Claudon, Peter Lang, 1989. P. 159–168.
59. *Choner Claudine*. Dostoïevski et le scandale // *Dostoïevski. Europe*. № 131/132 (Novembre / Décembre). 1956. P. 55–61.
60. *Claudel Paul*. Mémoires improvisés. Recueillis par Jean Amroche. Paris: Gallimard, 4e éd., 1954.
61. *Copeau Jacques*. M. Baring et Dostoïevsky // *La Nouvelle Revue Française*. 1910. Juin.
62. *Coudert Marie-Louise*. Points de repère // *Dostoïevski. Europe*. Paris, 1971. № 510. Octobre. P. 40–43.
63. *Daudet Léon*. A propos du roman russe // *La Nouvelle Revue*. 1893. 15 octobre.
64. *Daudet Léon*. Les grands évolutifs // *La Nouvelle Revue*. 1894. 1 janvier.
65. *Decadin Michel*. La première rencontre de Dostoïevski avec la France, 1880–1890 // *Dostoïevski et les Lettres françaises*. Actes du colloque de Nice réunis par Jean Onimus. Nice: Centre du XXe siècle, 1980.
66. *Delcour J.* Dostoïevski et le parricide (analyse du texte de Sigmund Freud) // *DOSTOÏEVSKI. Cahiers de l'Herne*. № 24. Sous la direction de Jacques Catteau. Paris: l'Herne, 1973. P. 270–275.
67. *Dournes Pierre*. Comment lire Dostoïevski. P.: Éditions de la Proue (Série «Comment lire»), 1947.
68. *Drouilly Jean*. Dostoïevski et l'Europe en 1873. Trad. De textes de F.M. Dostoïevski avec une introduction et des notes. Ottawa, Lemeac, 1969. 182 p. (Coll. Présence de Québec).
69. *Drouilly Jean*. La Pensée politique et religieuse de F.M. Dostoïevski. Paris: Librairie des Cinq Continents, 1971.
70. *Drouilly Jean*. L'image du soleil couchant dans l'œuvre de Dostoïevski. Essais de critique thématique // *Études slaves et est-européennes*. Montréal, XIX, 1974. P. 3–22.
71. *Drouilly Jean*. Une erreur dans l'édition russe de A.S. Dolinin des lettres de F.M. Dostoïevski // *Études slaves et est-européennes*. Montréal, XIX, 1974. P. 118–120.
72. *Ernest Charles J.* *L'adolescent* par Dostoïevsky // *La Revue bleue*. 1902. 20 septembre.
73. *Evdokimov M.* *L'Idiot*: un roman des ténèbres et de la lumière // *Contacts. Revue française de l'orthodoxie*. 1985. 130. P. 102–124.
74. *Evdokimov Paul*. Le Christ dans la pensée russe. Paris: Éditions du Serf, 1970. 244 p. (Théologie sans frontières. Sér. Orthodoxe; 14).
75. *Evdokimov Paul*. Dostoïevski et le problème du mal. 2-me ed. Préface d'Olivier Cléman. Paris: Desclée de Brouwer, 1978. (Диссертация, защищенная в 1942 г.)
76. *Evdokimov Paul*. Gogole et Dostoïevski. Paris: Desclée de Brouwer, 1961 (rééd. 1984). 310 p. (Présence chrétienne).
77. *Faure Elie*. Dostoïevski // *Faure Elie*. Les constructeurs: Lamarck, Michelet, Dostoïevski, Nietzsche — Cézanne. Paris: Grès, 1914 (rééd. Grès: 1921, Gontier: 1964). P. 107–145.
78. *Figuières Jean*. L'épilepsie dans l'œuvre de Dostoïevski [thèse méd., Lyon, 1924]. Valence: Impr. Réunies, 1942. 79 p.
79. *Fleury Jean*. Deux Romanciers russes contemporains: Dostoïevski et Pissemski // *Revue politique et littéraire, dite «Revue bleue»*. 1881. 26 février.

80. *Fodor Istvan*. Dostoïevski et André Gide // Dostoïevski. Europe. Paris, 1971. № 510. Octobre. P. 106–112.
81. *Frandon Ida-Marie*. Dostoïevski et Barrès: le roman du nationalisme // Dostoïevski et les Lettres françaises. Actes du colloque de Nice réunis par Jean Onimus. Nice: Centre du XXe siècle, 1980.
82. *Gastaut H.* L'involontaire contribution de Fiodor Mikhaïlovitch Dostoïevski aux connaissances médicales sur l'épilepsie // Magazine littéraire. 1978. № 134 (mars) numéro spécial Dostoïevski. P. 42–43.
83. *Gastot H.* L'involontaire contribution de Fiodor Mikhailovitch Dostoïevski à la symptomatologie et au pronostic de l'épilepsie // Évolution Psychiatrique. Paris [accompagné d'une bibliographie sur les ouvrages médicaux relatifs à l'épilepsie] (год издания: 1978, 1979 ?).
84. *Genevray Françoise*. George Sand et ses contemporains russes. L'Harmattan, 2000. (3-я часть посвящена теме: Жорж Санд и Достоевский.)
85. *Gide André*. L'Ermitage. 1899. Janvier.
86. *Gide André*. Prétextes // Mercure de France. 1919. P. 179–181.
87. *Gide André*. Dostoïevski. Articles et causerie. Paris: Plon, 1923. 401 p. (rééd. 1964, 1981).
88. *Жид Андре*. Достоевский. Пер. А. Федорова // *Жид Андре*. Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. М.: Терра — Книжный клуб, 2002. С. 203–364.
89. *Girard René*. Mensonge romantique et vérité romanesque. Paris: Grasset, 1961 (rééd. 1995).
90. *Girard René*. Dostoïevski. Du Double à l'Unité. Paris: Plon, 1963. (Coll. La Recherche de l'absolu.) (Rééd. in *Critique dans un souterrain*. Paris: Livre de Poche, 1983. P. 41–137.)
91. *Girard René*. Critique dans un souterrain. Lausanne. L'Âge d'Homme, 1976 (rééd. Paris: Livre de Poche, 1983).
92. *Goldstein David*. Dostoïevski et les Juifs. Paris: Gallimard, 1976. (Coll. Idées) [thèse de doctorat d'Université, Paris-Sorbonne, 1973].
93. *Gourfinkel Nina*. Dostoïevski — notre contemporain. Calmann-Lévy, 1961. 290 p.
94. *Gourfinkel Nina*. Les éléments d'une tragédie moderne dans les romans de Dostoïevski // *Le Théâtre tragique*. Paris: Éditions du CNRS, 1962. [Repris // DOSTOÏEVSKI. Cahiers de l'Hermé. № 24. Sous la direction de Jacques Catteau. Paris: l'Herne, 1973. P. 235–251.]
95. *Grundwald Jacqueline*. Fedorov et Dostoïevski // Fedorov: L'homme et l'œuvre. Contacts. T. XX. P. 198–223.
96. *Haddad-Wotling Karen*. L'illusion qui nous frappe. Proust et Dostoïevski. Une esthétique romanesque comparée. Paris: Honoré Champion, 1995. 581 p.
97. *Heller M.* Quand le Grand Inquisiteur quitte la légende // *Dostoïevski*. Lagrasse, Verdier, 1983. P. 115–127.
98. *Honcey Jean*. La notion du péché dans la littérature russe // *La Revue bleue*. 1890. 24 mai.
99. *Honcey Jean*. L'ascétisme philosophique dans la littérature russe // *La Revue bleue*. 1890. 4 octobre
100. *Hallays André*. De l'influence des littératures étrangères // *La Revue de Paris*. 1895. 15 février.
101. *Iizima T.* Hakuchi (L'Idiot): une entreprise courageuse // Études cinématographiques. 1990. 165–169. P. 51–54.
102. *Kahn Gustave*. Chronique de la littérature et de l'art // *La revue Indépendante*. 1888. Octobre.
103. *Kateb Yacine*. Dostoïevski, Maïakovski et les théoriciens // Dostoïevski. Europe. № 131/132 (Novembre / Décembre). 1956. P. 62–63.
104. *Kauchtschischvili Nina*. Le portait littéraire chez Dostoïevskij // Actualité de Dostoïevskij. Genova: La Quercia, 1982. P. 197–213.
105. *Kevin O'Neill*. Deux lettres sur Dostoïevski et Nietzsche // Australian Journal of French Studies. 1970. № 7. Janvier-août. P. 16–22.

106. Khan M. Meurtre, frénésie et folie. Notes sur Dostoïevski et sur *L'Idiot* // *Nouvelles revue de Psychanalyse*. 1980. № 21. P. 225–233.
107. Koupernik C. La relation duelle de Raskolnikov et de Porphyre // Dostoïevski. Lagrasse, Verdier, 1983. P. 99–107.
108. Kouznetsov Boris (physicien). La question de Dostoïevski et la réponse d'Einstein [extrait de *Études sur Einstein*, 1970]. Traduit du russe par Monique Slotzian // Dostoïevski. Europe. Paris, 1971. № 510. Octobre. P. 120–151.
109. Kristeva J. Dostoïevski, l'écriture de la souffrance et le pardon // *Kristeva J. Soleil noir, dépression et mélancolie*. Paris: Gallimard, 1987. P. 183–226.
110. Leblond Marius-Ary. La justice russe, d'après les œuvres de Gogol, Dostoïevsky, Tourgueniev et Tolstoï // *La Revue bleue*. 1899. 4 novembre, 11 novembre.
111. Lemaître Jules. De l'influence récente des littératures du Nord // *La Revue des deux mondes*. 1894. 15 décembre.
112. Lévinson A. La vie pathétique de Dostoïevski. Paris: Plon, 1931.
113. Loygue Pierre G. Étude medico-psychologique sur Dostoïevski. Considération sur les états morbides liés au génie. Thèse méd. Lyon, 1903. 187 p.
114. Lubac H. de. Dostoïevski prophète // *Lubac H. de. Le Drame de l'humanisme athée*. Paris: Plon, 1944.
115. Lunéau Sylvie. Rencontre avec le dernier descendant de Dostoïevski // *DOSTOÏEVSKI. Cahiers de l'Herne*. № 24. Sous la direction de Jacques Catteau. Paris: l'Herne, 1973.
116. Madaule Jacques. Le Christianisme de Dostoïevski. Paris: Bloud et Gay, 1939. (Coll. La Nouvelle Journée. Vol. IV.)
117. Madaule Jacques. Dostoïevski. Paris: Éditions universitaires, 1956. (Sér. Classiques du XIXe siècle.)
118. Madaule Jacques. La Russie et l'Europe dans l'œuvre de Dostoïevski // *Dostoïevski. Europe*. № 131/132 (Novembre / Décembre). 1956. P. 8–20.
119. Madaule Jacques. Le dédoublement de Versilov // *Dostoïevski. Europe*. Paris, 1971. № 510. Octobre. P. 25–39.
120. Madaule Jacques. Dostoïevski et Claudel // *Dostoïevski et les Lettres françaises. Actes du colloque de Nice réunis par Jean Onimus*. Nice: Centre du XXe siècle, 1980.
121. Marcel Gabriel. Interview par J. Catteau // *DOSTOÏEVSKI. Cahiers de l'Herne*. № 24. Sous la direction de Jacques Catteau. Paris: l'Herne, 1973. P. 147–151.
122. Marinov Vladimir. Figures du crime chez Dostoïevski. Paris: Press universitaire de France, 1990. 454 p.
123. Marinov Vladimir. Une bibliographie historico-critique des travaux psychanalytiques sur Dostoïevski // *Psychanalyse à l'Université*. 1982. T. 8. № 29. Décembre. P. 93–127.
124. Marinov Vladimir. Dostoïevski. L'Homme aux loups et les primitifs de Freud // *Psychanalyse à l'Université*. 1984. T. 30. Septembre. P. 621–631.
125. Martinez Louis. Les Carnets de l'Adolescent (présentation) // *DOSTOÏEVSKI. Cahiers de l'Herne*. № 24. Sous la direction de Jacques Catteau. Paris: l'Herne, 1973. P. 78–82.
126. Miller Fulor et Eckstein Fr. Dostoïevski à la roulette. Textes et documents. Paris: Gallimard, 1926.
127. Mtomandre François de. Trois revelateurs d'âme: Balzac, Tolstoï et Dostoïevsky // *Les Gerbes*. 1905. Janvier.
128. Morand Paul. L'Europe russe annoncée par Dostoïevski. Paris: Presse édition, 1948. 78 p.
129. Milochevich Nicolas. Dostoïevski penseur. Lausanne: L'Âge d'homme, 1988.
130. Morand Bernadette. La Maison des Morts // *Dostoïevski. Europe*. Paris, 1971. № 510. Octobre. P. 84–96.
131. Morand Bernadette. Le nouveau monde de Dostoïevski // *Dostoïevski. Europe*. Paris, 1971. № 510. Octobre. P. 152–154.

132. *Morand Bernadette*. «Bobok» et La Maison des Morts // *Revue des Études slaves*. Paris: 55/4, 1983. P. 547–565.
133. *Moutote Daniel*. Dostoïevski et Gide // *Revue d'Histoire littéraire de la France*. 1976. 76/5, sept.-oct. P. 768–793. (То же в: Dostoïevski et les Lettres françaises. Actes du colloque de Nice réunis par Jean Onimus. Nice: Centre du XXe siècle, 1980.)
134. *Мориак Франсуа*. Не покоряться ночи... Художественная публицистика. Пер. с фр. / Предисловие В.Е. Балахонова. М.: Прогресс, 1986.
135. *Neyraut-Sutterman*. Du texte manifeste du fantasme parricide au texte latent d'un fantasme infanticide. De la crise d'épilepsie à la création Romanesque chez G. Flaubert et F. Dostoïevski // *Études psychothérapeutiques*. 1983. № 53, septembre. P. 213–226.
136. *Nivat Georges*. Vers la fin du mythe russe. Essais sur la culture russe de Gogol à nos jours. Lausanne: L'Âge d'homme, 1982. (Спец. 4-я глава о Д.: Les chuchotis dostoevskiens: études sur *Crime et Châtiment*. P. 47–74.)
137. *Olivier Sophie*. L'argent chez Dostoïevski. Thèse de 3ème cycle. Aix-en-Provence, 1970.
138. *Olivier Sophie*. L'argent chez Dostoïevski // *Dostoïevski*. Europe. Paris, 1971. № 510. Octobre. P. 70–83.
139. *Pascal Pierre*. Dostoïevski devant Dieu. Bruxelles, 1969.
140. *Pascal Pierre*. Dostoïevski. Paris: Bruges. Desclée du Brouwer, 1969. 144 p. (Coll. Les Écrivains devant Dieu.)
141. *Pascal Pierre*. Dostoïevski: l'homme et l'œuvre. Lausanne: L'Âge d'homme, 1970 (rééd. 1985). (Slavica). 412 p.
142. *Pascal Pierre*. Dostoïevski. Le prophète du Christ russe // Fiodor Dostoïevski (D. Arban, Etiemble, J. Madaule, P. Pascal, M. Robert (Cl. Roy, H. Troyat). Paris: Hachette, 1971. P. 113–129. (Coll. Genies et réalités.)
143. *Pascal Pierre*. Introduction à *Crime et châtiment*. Paris: Garnier Frères, 1961. P. I–LVIII.
144. *Pascal Pierre*. Dostoïevski et Dieu. Précédé de «Le malentendu» par Frédéric Boyer. Paris: Desclée de Brouwer, 1995. 173 p. *ПГБ* (Poc. 1–2/1–65).
145. *Pascal Pierre*. Dostoïevski. L'homme et le penseur. Presses-Pocket, 1985.
146. *Pejovic Milovoje*. Proust et Dostoïevski: Études d'une thématique commune. P.: Nizet, 1987. 419 p.
147. *Perrot Jean*. Dostoïevski «aristocrate» grand-russe // *Dostoïevski*. Europe. № 510. Octobre. Paris, 1971. P. 3–24.
148. *Perrot Jean*. La Machine du roman dostoïevskien // *Poétique*. 1973. № 13.
149. *Persky S.* La vie et l'œuvre de Dostoïevski. Paris: Payot, 1924.
150. *Persi Ugo*. Le musicien et la musique dans l'œuvre de Dostoïevski et de Wackenroder // *Dostoïevski européen*, numéro réuni par M. Cadot // *Revue de littérature comparée*. 1981. Juill.-dec. (3/4). P. 306–316.
151. *Pouzine Ivan*. George Sand et Dostoïevski, la parenté des *Frères Karamazov* et du *Spiridion* // *Revue des études slaves*. II. 1939. P. 345–360.
152. *Pozner Vladimir*. Dostoïevski et le roman d'aventures // *Dostoïevski*. Europe. № 510. Octobre. Paris, 1971. P. 44–60.
153. *Proust Marcel*. [Dostoïevski] // *Proust Marcel*. Pastiche et mélanges. Contre Sainte-Beuve. Essais et articles. Paris: Éditions Gallimard, 1971. P. 644–645.
154. *Rachilde*. A propos de L'adolescent // *Mercure de France*. 1902. Août.
155. *Rivière Jacques*. Les frères Karamazov par M.M. Jacques Copeau et Jean Croué (d'après Dostoïevski) au Théâtre des Arts // *La Nouvelle Revue Française*. 1911. Mai.
156. *Rivière Jacques*. [Статья о Достоевском] // *Nouvelle Revue française*. 1922. Février.
157. *Robel Léon*. La grandeur de Dostoïevski // *Dostoïevski*. Europe. № 131/132 (Novembre / Décembre). 1956. P. 23–51.

158. *Robel Leon*. Quelques dates // Dostoïevski. Europe. № 131/132 (Novembre / Décembre). 1956. P. 112–114.
159. *Robert Marthe*. L'inconscient, creuset de l'œuvre // Fiodor Dostoïevski (D. Arban, Etiemble, J. Madaule, P. Pascal, M. Robert (Cl. Roy, H. Troyat). Paris: Hachette, 1971. P. 130–150. (Coll. Genies et réalités.)
160. *Rolland J.* Dostoïevski, la question de l'autre. Paris: Verdier, 1983.
161. *Sarcey Francisque*. Les livres // La Nouvelle Revue. 1885. 1 août, 15 août, 1 septembre.
162. *Sarcey Francisque*. Les livres // La Nouvelle Revue. 1886. 15 janvier, 15 avril, 15 mai, 1 septembre.
163. *Sarrote Nathalie*. De Dostoïevski à Kafka // Sarrote N. *L'ère du soupçon*. Essais sur le roman. Paris: Gallimard, 1956 (rééd. 1978). P. 13–66.
164. *Schlæzer Boris de*. Sur trois nouvelles de Dostoïevski // *La Nouvelle Revue française*. 1966. № 157.
165. *Secretan Philibert*. Les tentations du Christ: «La légende du grand inquisiteur» de Fedor Dostoïevski et «La dernière tentation du Christ» de Nikos Kazantzaki. Paris: Cerf, 1995. 133 p. (Théologies, ISSN 0761–4330).
166. *Sergent Philippe*. Dostoïevski. La vie vivante. L'Harmattan, 1994.
167. *Sollers Ph.* Dostoïevski, Freud, la roulette // Théorie des exeptions. Paris: Gallimard, «Folio», 1986.
168. *Stephane Nelly*. L'homme marqué // Dostoïevski. Europe. № 510. Octobre. Paris, 1971. P. 97–105.
169. *Stoyanov Tsvetan*. Le Génie et son maître. Fiodor Dostoïevski et Konstantin Pobiédonostsev. L'Esprit des Péninsules, 2000. (Политическая эволюция Достоевского.)
170. *Stremookhoff D.* Hans Holbein et Claude Lorrain dans l'univers de Dostoïevski // Atti del quinto congresso internazionale di lingue e letteratura moderne... (Firenze 27–31 Marzo 1951). Firenze: Valmatrina, 1955. P. 441–446.
171. *Struve Nikita*. Dostoïevski et l'Évangile selon Saint Jean // Dostoïevski. Textes rassemblés et présentés par Jacques Catteau // Les Cahiers de *La nuit surveillée*. № 2. Lagrasse, Verdier, 1983.
172. *Struve Nikita*. Le christianisme de Dostoïevski // Dostoïevski et les Lettres françaises. Actes du colloque de Nice réunis par Jean Onimus. Nice: Centre du XXe siècle, 1980.
173. *Sturm E.* Conscience et impuissance chez Dostoïevski et Camus. Parallèle entre «le Sous-sol» et «la Chute». Paris: Librairie Nizet, 1967.
174. *Suarès André*. Dostoïevski // Cahiers de la Quinzaine. Huitième cahier de la treizième série. Paris, 1911.
175. *Suarès André*. Trois hommes: Pascal, Ibsen, Dostoïevski. Paris: N.R.F., 1913. ПГБ (Химки) Н 592/81.
176. *Sutterman Marie-Thérèse*. Dostoïevski et Flaubert: écriture de l'épilepsie. Paris: Press universitaire de France, 1993.
177. *Thieulin Jean*. La place du «Journal d'un écrivain» dans l'œuvre de F.M. Dostoïevski en France (1884–1930). Thèse de doctorat d'État. Dactylographiée. Paris IV, 1983.
178. *Troyat Henri*. Dostoïevski. Paris: Fayard, 1940 (rééd. 1960, 1975).
179. *Труая А.* Федор Достоевский. М.: Эксмо, 2003.
180. *Volkoff V.* Bâtardise et parricide // Dostoïevski. Les Cahiers de *La nuit surveillée*. № 2. Lagrasse, Verdier, 1983. P. 41–45.
181. *Vaguine Eugène*. Dostoïevski et la Russie d'aujourd'hui // Magazine littéraire. 1978. № 134 (mars) numéro spécial Dostoïevski.
182. *Van der Eng Jan*. Aperçu des approches narratives chez Dostoïevski et Tolstoï // Dostoïevski, Cahier de L'Herne. Publié sous la direction de Jacques Catteau. Paris: L'Herne, 1973.
183. *Van der Eng Jan*. Dostoïevski romancier. Rapports entre sa vision du monde et ses procédés littéraires. La Haye. Mouton and Co, 1957.

184. *Verret Guy*. Temps et conscience chez Dostoïevski) De *Crime et Châtiment* à *l'Adolescent*) // DOSTOÏEVSKI. Cahiers de l'Herne. № 24. Sous la direction de Jacques Catteau. Paris: l'Herne, 1973. P. 196–204.
185. *Vogüé E.M. de*. Dostoïevsky // La Revue des deux mondes. 1885. 15 janvier.
186. *Vogüé E.M. de*. Le Roman russe. 3-ème éd. Paris: Plon, 1892 [1-ère édition Paris: Plon, 1886].
187. *Vogüé E.M. de*. Les livres russes en France // La Revue des deux mondes. 1886. 15 décembre.
188. *Vogüé Eugène-Melchior de*. Au seuil d'un siècle: Cosmopolitisme et nationalisme // La Revue des deux mondes. 1901. 1 février.
189. *Vogüé Eugène-Melchior de*. Lettre inédite sur les études russes // La Revue hebdomadaire. 1910. 9 avril.
190. *Возюэ Мельхиор де*. Религия страдания. Достоевский // *Возюэ Мельхиор де*. Современные русские писатели: Толстой, Тургенев, Достоевский. М.: Изд-е В.Н. Маракуева, 1887.
191. *Weisgerber Jean*. Faulkner et Dostoïevski. Confluences et influences. Bruxelles: Press universitaire; Paris: Press universitaire de France, 1968. 334 p. XXI 260/61. T. 31.
192. *Wilczkowski C*. Regards sur l'Évolution religieuse de Dostoïevsky // *La Légende du Grand Inquisiteur*. Desclée De Brouwer. Paris, 1958.
193. *Wizewa Theodore de*. Les Russes — notes // La revue indépendante. 1887. Janvier.
194. *Wizewa Theodore de*. Livres // La revue indépendante. 1887. Juillet.
195. *Wizewa Theodore de*. Livres // La revue indépendante. 1887. Septembre.
196. *Zander L*. La psychologie mystique dans l'œuvre de Dostoïevski // L'Âge nouveau. Mars, 1952.
197. *Zander L*. Dostoïevski: le problème du Bien. Paris: Corrèa, 1946.
198. *Камю Альбер*. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. Пер. с фр. М.: Политиздат, 1990. 415 с. (Мыслители XX века).

Антологии, сборники и специальные номера журналов

199. Dostoïevski. Europe. № 131/132 (Novembre / Décembre. 1956).
200. Dostoïevski. Europe. № 510. Octobre. Paris, 1971.
201. Dostoïevski. Cahiers de l'Herne. № 24. Sous la direction de Jacques Catteau: P. Pascal, L. Martinez, A.I. Saveliev, R. Johannet, V.S. Belinski, B. Souvarine, S. Luneau, B.I. Boursov, J. Gracq, G. Marcel, I. Tynianov, J. Verret, D. Arban, A.M. Remizov, J. Perrot, N. Gourfinkel, V.I. Ivanov, P. Boutang, J.M. Delcour, G. Matzneff, R.G. Nazirov, G.M. Fridlender, M. Evdokimov, Th. Alaiouanine, J. van der Eng, G. Nivat, A. Biely, J. Weisgerber, J.L. Packes. Paris: l'Herne, 1973.
202. Dostoïevski. Textes rassemblés et présentés par Jacques Catteau et Jacques Rolland // *Dostoïevski*. Les Cahiers de *La nuit surveillée*. № 2. Lagrasse, Verdier, 1983.
203. Dostoïevski et les Lettres françaises. Actes du colloque de Nice réunis par Jean Onimus. Nice: Centre du XXe siècle, 1980. (Материалы коллоквиума, состоявшегося в Ницце в 1974.)
204. Dostoïevski Européen. Sous la direction de Michel Cadot // Revue de littérature comparée. 1981. Juillet-décembre. № 3–4.
205. Dostoïevski. Textes rassemblés et présentés par Jacques Catteau et Jacques Rolland. Les Cahiers de *La nuit surveillée*. № 2. Lagrasse, Verdier, 1983.
206. Dostoïevski vivant. Témoignages. Paris: Gallimard, 1972.
207. Magazine littéraire. 1978. № 134 (mars) numéro spécial Dostoïevski.
208. *Eugène-Melchior de Vogüé*. Le Héraut du roman russe. Textes réunis et présentés par Mi-

chel Cadot. Paris: Institut d'Études Slaves, 1989. (Жан-Луи Бакес об интуиции де Вогюз, оценившего новаторство Достоевского, Никита Струве о месте страдания в концепции русского романа де Вогюз и изобретенной им формуле «мистический реализм».)

209. Fiodor Dostoïevski (D. Arban, Etiemble, J. Madaule, P. Pascal, M. Robert (Cl. Roy, H. Troyat). Paris: Librairie Hachette, 1971. (Coll. Genies et réalités.)

210. *Sancan Jacques, Michaut Jacques*. De Avvakum à Zinoviev. 200 œuvres littéraires, 100 auteurs russes. Analyses, thèmes, cartes, tableaux. Paris: Éditions librairie du Globe, 1996.

Переводная литература

211. *Athanassiadis Tassos*. La vie passionnée de Dostoïevski. Du baigne à la passion. Roman. Traduit du grec par P. Tenac avec la collaboration de Jacques Lacarrière. Paris: Verviers et l'Intercontinentale du Livre, 1957.

212. *Bakhtine Mikhail*. La poétique de Dostoïevski. Paris: Seuil, 1970.

213. *Bakhtine Mikhail*. Problèmes de la poétique de Dostoïevski. Lausanne: L'Âge d'Homme, 1970.

214. *Berdiaev Nicolas*. L'esprit de Dostoïevski. Traduit du russe par Alexis Nerveille. Paris: Éd. Saint-Michel, 1929. (Rééd. Paris: Stock, 1945 1974.)

215. *Chestov L.* La philosophie de la tragédie. Dostoïevski et Nietzsche. Traduit du russe par Boris de Schloezer. Paris: Éditions de la Pléiade, 1926.

216. *Chestov L.* La lutte contre les évidences (Dostoïevski). Dans Les révélations de la mort. Paris: Plon, p. 3–124.

217. *Dostoïevskaïa Anna Grigorievna*. Journal. Les carnets intimes de la jeune femme de Dostoïevski. Traduit du russe par Jean-Claude Lanne. Préface de Paul Kalinine. Paris: Stock: Femmes dans leur temps, 1978.

218. *Dostoïevskaïa Anna Grigorievna*. Carnets. Correspondence de F.M. Dostoïevski et A.G. Dostoïevskaïa. Traduit du russe. Moscou: Radouga, 1986.

219. Dostoïevski par sa femme Anna Grigorievna. Traduit du russe par André Beucler. Paris: Gallimard, 1930. (Sér. Les contemporains vus de près.) 466 p.

220. *Dostoïevskaïa Anna*. Dostoïevski, mémoires d'une vie. Mémoire du livre, 2001.

221. Dostoïevski vivant. Témoignages. Paris: Gallimard, 1972.

222. *Dostoïevski Aimée*. Vie de Dostoïevski par sa fille. Préface d'A. Suarez. Paris: Éd. Émil-Paul Frères, 1926.

223. *Grossman Leonid*. Dostoïevski. Traduit du russe. Moscou: Progrès, 1970.

224. *Guardini R.* L'Univers religieux de Dostoïevski. Traduit de l'allemand. Paris: Seuil, 1947 et 1963.

225. *Etkind E.* Dostoïevski, une poétique de la tension // Dostoïevski. Lagrasse, Verdier, 1983. P. 45–55.

226. *Florovsky G.* Les sujets religieux de Dostoïevski // La Russie et le monde slave. 1931. № 117.

227. *Frank Joseph*. Dostoïevski. Les années miraculeuses (1865–1871). Biographie. Traduit de l'américain par Aline Weill avec la collaboration de l'auteur. Solin. Actes sud, 1998.

228. *Freud Sigmund*. Dostoïevski et le parricide // Dostoïevski par sa femme Anna Grigorievna. Paris: Gallimard, 1930. P. 15–33.

229. *Ivanov V.* Le roman tragédie // Dostoïevski. Cahiers de l'Herne № 24. Sous la direction de Jacques Catteau. Traduit du russe et présenté par Pierre Pascal. Paris: l'Herne, 1973.

230. *Kaus O.* Dostoïevski et son destin. Paris: Rieder, 1931.

231. *Kirpotin V.* Dostoïevski en Sibérie. Trad. du russe par Emile Robin // Dostoïevski. Europe. № 131/132 (Novembre / Décembre). 1956. P. 70–75.

232. *Mann Thomas*. Dostoïevski // Noblesse de l'esprit. Essais. Traduit de l'allemand par F. Delmas. Paris: Albin Michel, 1960. P. 213–232.
233. *Meilakh Boris*. La force d'un artiste. Trad. du russe par Emile Robin // Dostoïevski. Europe. № 131/132 (Novembre / Décembre). 1956. P. 76–80.
234. *Merejkovski D.* Tolstoï et Dostoïevski. La personne et l'œuvre. Traduit du russe. Paris: Perrin, 1903.
235. *Merejkovski D.* L'âme de Dostoïevski. Le prophète de la Révolution russe. Traduit du russe. Bossard, 1922.
236. *Mochulski C.* Dostoïevski. L'homme et l'œuvre. Traduit du russe par Gustave Welter. Paris: Payot, 1963.
237. *Nabokov Vladimir*. Littérature II. Gogol, Tourguéniev, Dostoïevski, Tolstoï, Thekhov, Gorki. Traduit de l'anglais par Marie-Odilie Fortier Masok. Paris: Fayard, 1985.
238. *Stawar Andrzej*. L'humanisme de Dostoïevski. Trad. du polonais par Victoria Achères // Dostoïevski. Europe. № 131/132 (Novembre / Décembre). 1956. P. 81–112.
239. *Steiner Georges*. Tolstoï ou Dostoïevski. Traduit de l'anglais. Paris: le Seuil, 1963.
240. *Volguin Igor*. La dernière année de Dostoïevski. Traduit du russe. B. de Folloi / Lausanne: L'Âge d'Homme, 1994.
241. *Wrangel A.* Les souvenirs de Dostoïevski en Sibirie. [Paris], 1912.
242. *Zenkovsky B.* Histoire de la philosophie russe. T. 1. P. 454–478.
243. *Zweig S.* Dostoïevski. Paris: Rieder, 1932 (rééd. Trois maîtres: Zweig S. Balzac, Dickens, Dostoïevski. Paris: Belfond, 1988; Le Livre de Poche, 1995).